Автор: К.Д.В.
30.03.2009 09:50 - Обновлено 22.04.2009 05:31

Город утраченных иллюзий ч.3

Новые правители Милана не демонстрировали враждебного отношения к Леонардо — они его просто не замечали. Очевидно, несколько месяцев в 1513 году он провел на вилле семейства Мельци в Ваприо д'адда, размышляя над тем, какие возможности он еще может использовать. В феврале того же года судьба предложила ему что-то похожее на выход. Папа Юлий II умер, его преемником стал Лев X — Джованни Медичи, сын Лоренцо Великолепного. Медичи никогда не высказывали Леонардо особого расположения, однако они считались покровителями искусств. Поэтому Леонардо пришло в голову, что они смогли бы ему помочь. В сентябре 1513 года усталый, но не теряющий мужества старый художник отправился в Рим.

Во время этого путешествия Леонардо, если верить словам Визари, был полон надежд: «По пути он разминал воск и мастерил из него полых животных, которые, если дул ветер, летали по воздуху и падали вниз, когда истер стихал». В Риме его благосклонно принял, как он и надеялся, Джулио Медичи, добродушный, однако слабый брат папы, после чего ему предоставили комнаты в ватиканском дворце Бельведер и определили небольшое жалованье. Вазари продолжает: «На забавную ящерицу, найденную дворцовым виноградарем, он надел чешую, снятую с другой ящерицы и предварительно погруженную в ртуть, так что она переливалась при движении, затем прикрепил большие глаза, рог и бороду. Он приручил се и держал в коробке. Друзья, которым он ее показывал, в страхе убегали».

История с ящерицей достойна доверия: она вызывает в памяти первое предприятие Леонардо на поприще искусства — ту картину, которую он много лет назад написал на щите крестьянина. Однако слово «друзья» имеет неуловимый иронический оттенок. Какие друзья? В то время в Риме царили такие мэтры, как престарелый архитектор Браманте, которого Леонардо хорошо знал по Милану, Микеланджело и Рафаэль, молодой человек, бывший перед Леонардо в великом художественном долгу. Насколько нам известно, никто из них не обращал на Леонардо внимания. Он был брошен всеми. Рафаэль, фаворит папы, получал тысячи дукатов за свою работу в Ватикане — Леонардо вынужден был жить на тридцать три дуката в месяц. Назойливая Изабелла д'Эсте, которая столько лет прилагала неимоверные усилия, чтобы заставить Леонардо написать свой портрет, приехала в Рим, чтобы взять приступом самого знаменитого мастера — Рафаэля. Вряд ли она побеспокоилась о том, чтобы повидать Леонардо.

Один раз папа Лев X позволял убедить себя дать Леонардо маленькое задание. Суть его неизвестна, но результат оказался катастрофическим. Леонардо, как всегда, отдавшись с головой творчеству, принялся изобретать специальный лак для еще не написанной картины. Папа воздел кверху руки и вскричал: «Этот человек никогда ничего не закончит! Он думает о конце прежде, чем начнет!» Больше заказов от папы не поступало. Приблизительно в это же время Леонардо набросал вступление к одной из своих записных книжек. Оно написано чрезвычайно мелким почерком, как будто он шептал самому себе: «Не следует желать невозможного». Сами записки то и дело перебиваются настойчиво повторяемым меланхолическим вопросом: «Скажи мне, сделано ли тобою что-нибудь хоть когда-нибудь?.. Сделано ли что-нибудь?.. Скажи мне, сделано ли?..»

Леонардо заболел. В его римских бумагах найден адрес врача, записанный не его рукой.

Природа его болезни неизвестна, но вполне можно предположить, что это был удар, предшественник других, которые станут причиной паралича его правой руки и, очевидно, смерти. Вскоре после первого удара он поправился и снова занялся научными изысканиями, изучая растения в ботаническом саду папы и занимаясь в анатомическом театре. Он нарисовал планы осушения Понтинских болот, сделал некоторые наметки к трактату об устройстве человеческого голоса. Этим трактатом он надеялся вернуть расположение папы. Он передал трактат одному скучающему папскому чиновнику и никогда больше о нем не слышал.
Единственный автопортрет Леонардо создан им, очевидно, во время его пребывания в Риме, когда ему было около шестидесяти двух лет. Портрет выполнен красным мелком (сангиной). Мы видим широкий, изборожденный морщинами лоб, пристальный и одновременно грустный, исполненный боли взгляд, опущенные уголки губ, пышную бороду. Говорят, что Леонардо, несмотря на свою физическую силу, преждевременно состарился вот подтверждение этому. Его лицо кажется лицом древнего пророка. Это лицо человека, утратившего иллюзии.
Последняя картина Леонардо также написана в Риме. Она выполнялась не по заказу, а по внутреннему побуждению. Это луврский «Святой Иоанн Креститель» — возможно, самая тревожащая из всех его картин. Поклонники Леонардо многое отдали бы, чтобы он вовсе не писал ее. У Леонардо аскетичный предтеча Христа, которого обычно представляли худым, фанатичным воителем за веру, выглядит почти гермафродитом. Изнеженный, с женственно прижатой к груди рукой, он смотрит с картины взглядом, в котором читается не Благая весть, а тайна. Два характернейших для Леонардо момента: легкая, не поддающаяся определению улыбка и указующий вверх палец — столь доминируют здесь, что кажутся почти карикатурными.
Возможно, в намерения Леонардо входило утвердить трудно доставшееся ему знание: все, что можно узнать о человеке, о мире и о вселенной, может быть выражено всего лишь в изгибе вопросительного знака. Так Леонардо покончил с живописью. Но с миром он все еще был связан. И он решил его разрушить. В десяти выполненных черным мелком и известных под общим названием «Потоп» рисунках, точно так же, как в величественных строках в записных книжках, он нарисовал конец света с потрясающей силой и — чего нельзя отрицать — с чувством, похожим на облегчение.
Идея апокалиптического крушения мира долго занимала воображение Леонардо. Но когда он наконец всерьез приступил к этой ужасной теме, он полностью отошел от традиционных решений, доверившись собственным научным изысканиям и выводам: земля и горы сформированы силами бури и потопа — те же силы их и разрушат.
На рисунке начала потопа Леонардо изобразил мощный ливень, извергающийся разгневанными небесами и сметающий с земли все, что на ней есть. В изображении кульминации потопа он отбросил все, связанное с классической традицией: его рисунки почти беспредметны и исполнены чистого предопределения. Не осталось ничего, кроме элементарных начал: ни людей, ни земли, ни Бога.

Мощная, захватывающая сила рисунков потопа больше всего напоминает финал симфонии Бетховена. Кажется, что дальше — только тишина. И что Леонардо наконец прекратит задавать себе вопрос: «Скажи мне, скажи мне, было ли тобою что-нибудь когда-нибудь сделано?» А смерть все не приходила. Было, как в музыке, когда после, казалось бы финального мощного аккорда звучит нежная короткая

кода. В жизни Леонардо произошло нечто подобное. Несмотря на полную заброшенность, в которой он, по-видимому, пребывал в Риме, французы не забыли его. Людовик XII умер, но глубокое уважение к Леонардо по наследству перешло к его преемнику Франциску I. Молодой король Франциск предложил Леонардо перебраться во Францию, в усадьбу недалеко от королевского замка в Амбуазе. Художнику было назначено содержание полностью удовлетворяющее нужды старого человека. Взамен Франциск просил Леонардо лишь об одном: не лишать его удовольствия беседовать с ним. Итак, Леонардо отправился на север, в чужую страну, захватив с собой то, что должно считаться самым удивительным грузом: свои записки, свои рисунки, «Святого Иоанна Крестителя», «Св. Анну с Марией и младенцем Христом» и еще одну картину — «Портрет некоей флорентийской дамы».